

## ПАРИЖСКИЙ ПОВОРОТ СУДЬБЫ ПСКОВСКОГО СВЯЩЕННИКА-ВОЛЬНОДУМЦА И. С. ЛАВРОВА (1782-1853) И ЕГО МЕМУАРЫ О ПСКОВСКОМ КРАЕ КОНЦА XVIII-ГО – НАЧ. XIX-ГО ВВ.

Впервые введён в краеведческий оборот и атрибуцирован прежде анонимный франкоязычный мемуарный источник по истории Псковского края: «Memoires d'un pretre russe ou la Russie religieuse par M. Ivan Golovine». Paris. 1849. Открыто имя автора, представлена краткая биографическая справка о нём из французских и отечественных источников. Проанализированы тематика и направленность псковской части мемуаров (около 80 страниц текста книги), даны в качестве иллюстраций отрывки в переводе автора статьи.

В 1849 г. в Париже были изданы на французском языке анонимные "Мемуары русского священника..."<sup>1</sup>, в которых с либеральных позиций подвергалось критике всецело подчинённое государству положение русского духовенства и обосновывалась необходимость соответствующих реформ. Мемуары, без указания имени их автора, были опубликованы русским эмигрантом, известным полемистом антиправительственного направления И. Г. Головиным<sup>2</sup>. До настоящего времени их авторство, насколько нам известно, оставалось невыясненным.

Теперь можно предположительно объявить имя автора - это псковский священник Иван Степанович Лавров (1782-1853). Данный вывод следует из небольшого примечания на с. 74, сделанного позднее И. Г. Головиным к одному из своих последующих сочинений, изданному на французском языке в 1859 г. под названием «Прогресс в России...»<sup>3</sup>, где написано: «Ныне, когда автор уже умер, мы можем открыть, что изданные нами "Мемуары русского священника" принадлежат отцу Лаврову, более двадцати лет занимавшему пост настоятеля при русском посольстве в Париже»<sup>4</sup>.

Из текста самих автобиографических «Записок» мы узнаём, что их автор родился в 1782 г. в уездном городе Псковской губернии Порхове, в семье местного священника. С 9 лет был отдан на обучение в Псковскую семинарию, которую окончил около 1800 г. Затем получил место в доме влиятельного псковского дворянина со столичными связями (он именуется Стрешневым), женился, обзавёлся на Псковщине приходом.

С 1807 г., когда разгорается очередная русско-французская война с Наполеоном, И. С. Лавров отправляется в качестве полкового священника в Прусский поход под Фридрихланд, где у него на руках погибает молодой сын его псковского покровителя («из рода Стрешневых») Алексей. Сам Стрешнев-старший при этом поклонник Наполеона и вольнодумец вольтерьянского направления, ожидающий в Пскове прихода галльского гения. Уходу сына Алексея в поход против Наполеона предшествует описанная в мемуарах И. С. Лаврова ссора между отцом и сыном в Пскове по «наполеоновскому вопросу». По его словам, младший Алексей Стрешнев был в противоположность отцу воспитан матерью в патриотическом и набожном духе, что и предопределило его отношение к Наполеону.

После участия в боевых действиях, пользуясь налаженными в военной среде связями и рекомендациями, И. С. Лавров занимает место при церкви Петербургской Медико-хирургической Академии, и вскоре делает блестящую для провинциального священника карьеру, став в 1818 г. настоятелем русской посольской церкви в Париже.

Подробности данного периода его жизни представлены в книге французского исследователя Росса<sup>5</sup>. Из неё мы узнаём, что, находясь на своём посту в Париже в течение

<sup>1</sup> «Memoires d'un pretre russe ou la Russie religieuse par M. Ivan Golovine». Paris. 1849.

<sup>2</sup> И. Г. Головин (1816-1890) - издавал сочинения на французском, немецком, английском языках, близкий знакомый А. И. Герцена по эмиграции, которому последний посвятил в седьмой части «Былого и дум» отдельную главу (VII) воспоминаний, довольно нелицеприятных, в силу политических и личных разногласий.

<sup>3</sup> «Progres en Russie pour faire suite a la Russie depuis Alexandre le Bien-Intentionnee par Ivan Golovine». Paris. 1859. -P. 74.

<sup>4</sup> Там же. -С. 74: «Nous pouvons avouer, aujourd'hui qu'il est mort, que nos *Memoires d'un pretre russe* sont celles du pere Lavroff qui, pendant plus de vingt ans, a ete l'aumonier de l'ambassade russe a Paris».

<sup>5</sup> Nicolas Ross «Saint-Alexandre-sure-Saine: l'église russe de Paris et ses fideles des origines a 1917». 2005. -P. 73-74.

длительного времени (1818-1834 гг.), И. С. Лавров не только не имел никаких нареканий от вышестоящего начальства, но был отмечен поощрениями. Сам посол России в Париже влиятельный Поццо ди Борго, представляя И. С. Лаврова к награждению орденом Святого Владимира, так писал о нём в одном из своих донесений: «В течение всех этих лет, находясь на посту при русском посольстве, он исполнял свои обязанности с примерным рвением и истинной христианской набожностью»<sup>1</sup>.

Но в 1834 г. И. С. Лавров получает отставку с ежегодным пенсионом в 750 руб. и возвращается в Петербург. В 1841 г. он вновь оказывается в Париже, однако уже без официального разрешения. Через год начинается разбирательство по этому поводу, в Петербурге интересуются: с какой целью и с чьего дозволения И. С. Лавров вновь оказался в Париже? Сам он не смог, видимо, представить внятного разъяснения, и тогда Святейший Синод официально затребовал его возвращения. И. С. Лавров, как это водилось среди русских эмигрантов, сначала сказался больным, объявив, что как только выздоровеет, так сразу же непременно вернётся в Россию. Но его объяснения не были приняты, и Святейший Синод лишил священника пенсиона. Так И. С. Лавров стал политически эмигрантом.

В 1847 г. Третье отделение завело дело «О противозаконных действиях проживающего в Париже, уволенного от службы протоиерея Лаврова»<sup>2</sup>. В связи с этим русское посольство в Париже сообщало в беспокойном 1848 г. в Петербург: «Протоиерей Лавров ведёт аморальный образ жизни и, исповедуя республиканские идеи, проповедует ненависть не только по отношению к России и Его Величеству, но даже к религии, служителям которой сам являлся»<sup>3</sup>.

В некоторых источниках, включая цитируемую выше книгу Росса, имеются сообщения, что в разгар революционных событий 1848 г. в Париже И. С. Лавров в числе таких именитых русских эмигрантов, как Николай Тургенев, Иван Головин и Михаил Бакунин, обращался совместно с представителями польской делегации к Временному правительству Франции с выражением поддержки и намерением составить отдельный легион Национальной гвардии. По этому поводу исследовательница жизни и деятельности М. А. Бакунина Н. М. Пирумова выражала сомнение: «Донесения... часто были фантастичны, но, очевидно, на месте им верили. Так, еще в самом начале революционных событий во Франции русское посольство в Париже сообщало графу Орлову, что Тургенев, Головин, Бакунин и Лавров находились в числе лиц польской депутации, которая представлялась временному правительству во Франции с поздравлением и изъявила готовность составить для национальной гвардии отдельный легион... Основанием для подобной информации послужил донос известного агента III отделения Я. Н. Толстого. Помимо примера заведомо ложной информации, донос интересен ещё и упоминанием в связи с Бакуниным колоритной фигуры Лаврова... Об участии Лаврова в мифической депутации к Временному правительству и об отказе его вернуться на родину А. Ф. Орлов сообщил в Святейший Синод гр. Н. А. Протасову, тот, в свою очередь, доложил о происшествии царю. В итоге Лавров был "извержен из духовного чина", а затем, как сообщал Протасов Орлову, дело о преступлениях его решено было "оставить без дальнейшего производства, по причине отсутствия его из России"<sup>4</sup>.

Вследствие всего этого русское посольство заключало по поводу И. С. Лаврова: «Его идеи и связи никоим образом не соответствуют ни его возрасту, ни его положению, из чего можно сделать вывод, что он решил, вероятно, остаться за границей навсегда»<sup>5</sup>.

О дальнейшей судьбе И. С. Лаврова мы узнаём из письма сменившего его позднее на посту представителя при русской посольской церкви в Париже известного проповедника православия в зарубежье и основателя парижского храма Св. Александра Невского И. В. Васильева (1821-1881), который в 1853 г. сообщал в своём донесении, что «Иван Степанович Лавров умер в начале ноября [1853 г.] в Париже. Во время своей болезни он

<sup>1</sup> Там же. -С. 74.

<sup>2</sup> ГАРФ. Ф. 109, 1-я эксп., д. 34, 1848.

<sup>3</sup> Nicolas Ross. Saint-Alexandre-sure-Saine: l'église russe de Paris et ses fideles des origines a 1917. 2005. -P. 74.

<sup>4</sup> Пирумова Н. М. Бакунин. М. 1974. Гл. 3.

<sup>5</sup> Nicolas Ross «Saint-Alexandre-sure-Saine: l'église russe de Paris et ses fideles des origines a 1917». 2005. -P. 74.

не допустил до себя священника... Но, к счастью, смерть Лаврова никем не была замечена и никаких сообщений об этом не появлялось»<sup>1</sup>.

Такова внешняя канва жизни Ивана Степановича Лаврова. Но из его мемуаров мы узнаём многое и о его внутренней духовной жизни, в том числе о периоде его нравственного и интеллектуального становления в пору юности, на Псковщине. Эта часть мемуаров ценна тем, что здесь перед нами один из редких источников по Пскову последнего десятилетия XVIII-го и первого десятилетия XIX-го вв., прежде не представленный в нашем краеведении. Автор мемуаров не только в подробностях описывает псковский быт того времени, включая семинарские порядки и нравы духовенства, но и раскрывает суть интеллектуальных споров, духовных поисков представителей псковского образованного сословия «дней Александровых прекрасного начала».

Из них мы, например, узнаём, что в Пскове тогда имела богатая библиотека французской литературы эпохи Просвещения, которую содержал у себя один из представителей псковского дворянства, вышеупомянутый Стрешнев. Общение с ним и занятия в библиотеке оказали, видимо, определяющее влияние на последующее формирование вольнодумных убеждений молодого псковского семинариста И. С. Лаврова. Вместе с хозяином библиотеки, свидетелем Французской революции, он проводил в Пскове долгие часы в философских спорах по поводу прочитанного, о смысле жизни, о свободе, о сущности бога, о вере, о государстве, республиканской форме правления и т.д. Подобным псковским философским беседам и размышлениям посвящены *десятки* страниц мемуаров.

Представим отдельные выдержки из них, которые помогут составить некоторое представление о сути этих духовных поисков и уровне интеллектуальных исканий псковской провинции на заре XIX-го столетия.

Самого хозяина библиотеки<sup>2</sup> и его дом, автор мемуаров, пришедший после окончания псковской семинарии на приём в поисках места, описывает так: «К моему большому изумлению мне не пришлось долго ждать, меня сразу же приняли и проводили. Всё в доме было на иностранный лад – и мебель, и слуги. Иконы висели только в столовой. Хозяин вышел мне навстречу одетым, а не в домашнем халате, как это принято у русских по отношению к нижестоящим по чину посетителям. Элегантность его манер и мягкий голос сразу же расположили меня в его пользу. Он предложил мне присесть, подобного внимания к себе я совершенно не ожидал, и это окончательно расположило меня к нему»<sup>3</sup>.

Вот одно из вольнодумных утверждений Стрешнева относительно религии, поразившее его молодого псковского собеседника. Источник всех религий – незнание и страх. Далее Стрешнев поясняет: «Человек, поверьте мне, станет свободным только тогда, когда отбросит все подобные предрассудки, и он будет способен на великие свершения, только став абсолютно свободным»<sup>4</sup>.

А вот как наш мемуарист описывает результат воздействия на него прочтения книг из псковской вольтерьянской библиотеки своего гостеприимного хозяина: «Погрузившись в чтение мирских книг, я уже не мог остановиться, я поглощал всё подряд: священную историю, философию, я стал понимать суть хитрости моих собратьев-священников всех времён... Я понял, что религиозные истины, высказанные Христом и записанные с его слов апостолами, стали всего лишь средством в руках сильных мира сего, чтобы держать в узде народы...»<sup>5</sup>

Позднее, подводя итог своим размышлениям на данную тему, умудрённый жизненным опытом И. С. Лавров добавляет: «Ныне же, когда я постиг извечную мудрость, что так ничего и не знаю окончательно, я, по крайней мере, довольствуюсь осознанием ошибок совершаемых другими. Мне нравятся люди искренней веры, и я презираю лицемеров

<sup>1</sup> Там же. -С. 74.

<sup>2</sup> К сожалению, пока не удалось установить реальность Стрешнева по псковским архивам, некоторыми краеведами даже высказывается предположение о литературном псевдониме. Необходимо дальнейшее исследование по данному вопросу.

<sup>3</sup> Memoires d'un pretre russe ou la Russie religieuse par M. Ivan Golovine. Paris. 1849. -P. 31.

<sup>4</sup> Там же. -С. 45.

<sup>5</sup> Там же. -С. 51.

и ханжей. Конечно, это не столь и много для жизненного итога, но при всём этом имя Стрешнева я всё же всегда произношу с большим уважением...»<sup>1</sup>

Поэтому истоки дальнейшего внезапного, на первый взгляд, парижского поворота в судьбе священника И. С. Лаврова следует искать в псковском периоде его духовного становления.

Но было в этот период и другое, более раннее «псковское республиканское влияние» раскатов интеллектуального грома столетия Просвещения и Французской революции. Оно эхом отозвалось в душе ещё более близкого человека – родного отца Ивана Степановича Лаврова, порховского священника. Вот как это представлено в мемуарах.

«До девяти лет я воспитывался подле моих родителей, вёл праздный образ жизни, но был счастлив, насколько можно быть счастливым в безделье. Отец мой был человеком старой закалки, полном смысле этого слова: крепкий телом и духом, чистый в своих помыслах и свободный в устремлениях, он был человеком искренне верующим, но при этом трезво воспринимал окружающую действительность... Я часто вспоминаю один совет, данный мне по жизни отцом, которому, я думаю, мне надо было бы получше следовать. «Сын мой, - говорил он, - время, в которое тебе предстоит жить, не похоже на то, в которое жил я: искренность перестаёт быть добродетелью и ныне уже именуется предосудительной слабостью, поскольку приносит лишь несчастья тому, кто ей следует. Думай, что хочешь, но говори только то, что нравится окружающим. Слава богу, мне уже не предстоит низкопоклонствовать, мои года избавили меня от этой тяжкой необходимости, я успел состариться вместе с изменением нравов».

Мой отец хранил память о временах более свободных, - кровь республиканца иногда вскипала в его жилах, тогда как другие русские, впряжённые в ярмо, переходящее от отца к сыну, даже и помыслах своих не могли позволить себе подобных речей»<sup>2</sup>. И далее, в примечании по поводу употребления им слова «республиканец» относительно своего отца, мемуарист поясняет: «Псков, как известно, был в прежние времена республикой»<sup>3</sup>.

Таковы псковские истоки парижского поворота судьбы священника Ивана Степановича Лаврова.

В ближайшее время мы завершим работу над переводом с французского псковской части мемуаров И. С. Лаврова (около 80 страниц текста книги) и представим нашей краеведческой публике. Необходимы также архивные подтверждения как самой личности мемуариста, так и некоторых лиц, представленных в мемуарах, в частности, представителей рода Стрешневых. Не всё здесь пока ясно. Но это уже тема дальнейших исследований. Будем надеяться, что это не просто литературный сюжет издателя мемуаров... Но даже в последнем случае данный источник представляет большой интерес для истории Псковского края.

*Т.А. ЗАЙЦЕВА*

## **ВОСПИТАТЕЛЬНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ТВОРЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ А.С.ПУШКИНА**

Рассматривается воспитательный потенциал творческого наследия А.С.Пушкина. Знакомство с жизнью и творчеством великого поэта способствует эффективному решению воспитательных задач.

Развитие системы отечественного образования происходит в соответствии с Национальной доктриной образования в Российской Федерации.<sup>1</sup> В современных условиях

<sup>1</sup> Там же. -С. 57.

<sup>2</sup> Там же. -С. 2-4.

<sup>3</sup> Там же. -С. 4.

<sup>1</sup> **Национальная доктрина образования в Российской Федерации.** - М.: Кремль, 2000.